

К 100-ЛЕТИЮ
ОТМЕНЫ ЧЕРТЫ
ОСЕДЛОСТИ

ЧЕРТА

1791-1917

Л. Антокольский, И. Баркусский, Я. Басин, Х. Дашевский,
В. Дымшиц, И. Кабанчик, В. Кельнер, А. Клемперт, Л. Лифлянд,
М. Лобовская, А. Найман, Е. Норкина, С. Пахомова, А. Полян,
С. Чарный, И. Шихова, Д. Эльяшевич, А. Энгельс

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Александра Энгельса

Коллектив авторов

Черта (сборник)

Издательская группа «Точка»

2017

Коллектив авторов

Черта (сборник) / Коллектив авторов — Издательская группа
«Точка», 2017

ISBN 978-5-9909347-2-6

Эта книга – о жизни наших еврейских бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек и еще более далеких предков. Подавляющее большинство евреев, живших в Российской империи, подчинялись законам, ограничивавшим территорию их пребывания чертой оседлости, а их повседневную жизнь – множеством запретов и предписаний. Книга создана сильным авторским коллективом, в который вошли известные историки, культурологи, коллекционеры, писатели, создатели музейных экспозиций, публицисты. Разница в их подходах и оценках обогатит представления читателей, стремящихся понять, что же представлял собой мир российского еврейства в XVIII–XX веках. Книга построена как полноценная энциклопедия и состоит из 26 статей, рассказывающих о повседневной и религиозной жизни в черте оседлости, законодательстве, службе в армии, наветах и погромах, участии в революционном движении, а также описывающих еврейскую жизнь в Литве, Белоруссии, Украине, Бессарабии (Молдавии), Петербурге и Москве.

ISBN 978-5-9909347-2-6

© Коллектив авторов, 2017

© Издательская группа «Точка», 2017

Содержание

Предисловие	5
1. Возникновение черты оседлости	8
2. География и демография Черты	17
3. Законодательство о евреях	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Черта (сборник)

Предисловие

В названии этой книги есть и прямой, и переносный смысл.

С прямым все достаточно очевидно: чертой еврейской оседлости называли границу территории Российской империи, за пределами которой запрещалось постоянное проживание лицам иудейского вероисповедания. Связан с этим был и особый уклад жизни, оформленный ограничительными законами конца XVIII – начала XX века.

Период, о котором мы будем говорить, охватывает почти полтора века. За это время на западе Российской империи сложился уникальный мир, который включал в себя более половины всех евреев планеты. Осознать этот масштаб сегодня нелегко: если представить современное расселение евреев на земном шаре в виде круговой диаграммы, она едва ли не вся будет закрашена в цвета двух, почти равновеликих по количеству еврейского населения, стран – Израиля и США (в сумме – 87 %). На этом фоне российские евреи займут малозаметный сегмент (1.5 %). Соблюдение объективности потребует сделать поправку на движение государственных границ в конце XX века, но даже с учетом этого картина не сильно изменится.

Возьмемся утверждать, что влияние российского еврейства на последующее развитие еврейского народа стало определяющим. Именно евреи царской, а потом и советской России расселялись по всему миру. Они мощным потоком влились в мировое сионистское движение, они одновременно занимались строительством мирового интернационала рабочих и крестьян и построением национального государства для евреев. Это они и их потомки во многом составили цвет мировой науки, цвет мировой культуры и искусства – от высокой поэзии и классической музыки до кинолегенд Голливуда.

Это они приняли на себя страшный удар Холокоста, составив почти половину его жертв.

Это они и их потомки в условиях враждебного окружения и непрекращающихся войн смогли создать на клочке земли, вдвое меньшем площади Московской области, процветающее государство, обладающее передовой наукой, эффективной экономикой, мощным образованием, отличной медициной, лучшей в регионе армией и высочайшим уровнем сельского хозяйства. Во всех этих достижениях – немалая доля труда, энергии, героизма, жизненных сил евреев бывшей Российской империи, выходцев из черты оседлости.

У слова «черта» в русском языке есть еще одно значение – в выражении «подвести черту». Согласно словарям, это означает «подвести итог, покончить с каким-либо делом, состоянием».

Поистине судьбоносное событие в еврейской жизни произошло 100 лет назад, когда была «подведена черта под Чертой». Постановление Временного правительства, обнародованное 22 марта (по старому стилю) 1917 года, сделало евреев России юридически свободными от всех форм религиозного и национального угнетения, открыло им широкие возможности в реализации своего потенциала – в образовании, науке, искусстве, на государственной службе. Вместе с географическими барьерами рухнули процентные нормы, профессиональные ограничения и все другие узаконенные виды гнета.

В этой книге мы хотим поговорить с читателем о том, что собой представлял мир российского еврейства на протяжении 130 лет до отмены Черты. Каких высот он достиг, с какими угрозами сталкивался, какие преграды преодолевал.

Современникам тех событий, восторженно читавшим в газетах 22 марта 1917 года постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», не дано было предвидеть, что под цивилизацией российского еврейства еще не раз будет подведена черта. Иногда – безжалостной рукой.

Осенью 1917 года советская власть, подтвердив освобождение малых народов от всех видов национального гнета, взялась тем не менее искоренять самую сердцевину еврейской идентичности – многотысячелетнюю религиозную традицию. Большевики фактически продолжили проводившуюся еще Николаем I политику уничтожения, упразднения традиционного еврейства путем поголовной ассимиляции. По масштабам и эффективности ассимиляционной политики 1920–1930-х годов последователи, вероятно, даже превзошли своего венценосного предшественника.

Можно лишь поражаться тому, как в условиях тоталитарного общества российское еврейство продолжало сохранять национальную память (теперь принято говорить: культурные коды). В условиях полного запрета древнееврейского языка миссию сохранения национального духа нес язык бывшей черты оседлости – идиш. На него новая власть, вставшая под знамена интернационализма, долго не покушалась.

Но затем и под этим, устоявшим в условиях ассимиляторства и борьбы с религией, еврейским миром была подведена трагичная черта огнем Холокоста. Чудом уцелевшие после него остатки пятимиллионного российского еврейства пусть и представляли собой устойчивую общность, но были вынуждены прятать внешние проявления национальной идентичности.

Автор этих строк помнит детские ощущения конца 1960-х годов, когда с отцом впервые зашел в здание московской Хоральной синагоги. Это было единственное место, где можно было купить мацу накануне праздника Песах. В памяти запечатлелось, как отец, отстояв очередь, перед выходом плотно заворачивал большую упаковку мацы в газетные листы. Дело в том, что на упаковке из грубой серой бумаги традиционно красовалась огромная квадратная печать с буквами на непонятном языке. Ехать в общественном транспорте с такой демонстративной печатью кашрута на свертке отец (коммунист, ветеран войны) не хотел.

Во времена действия «пятого пункта»¹ евреи, стремившиеся сохранить национальную идентичность, часто были вынуждены уходить во «внутреннюю эмиграцию». Нетрудно предположить, что многие из них надеялись дождаться момента, когда «оковы тяжкие» в очередной раз падут, и у них появится возможность вырваться из-под очередного государственного гнета. Ручеек эмиграции с трудом пробивался сквозь административные препоны, через давление спецслужб, находя свое воплощение, в том числе, в драматичной, а подчас и героической, борьбе «отказников». И как только «оковы рухнули» – позднее, после открытия границ, – процесс «нового исхода» было уже не остановить.

Так была подведена еще одна, может быть последняя, черта под целой эпохой, которую далекий от симпатий к еврейству Солженицын назвал «двести лет вместе». После нее от российской еврейской общины осталась лишь та узкая полоска, которая практически незаметна на круговой диаграмме расселения евреев в современном мире.

Еврейская община в России, конечно же, не исчезла, и роль ее далеко выходит за рамки той доли, которую отражает перепись населения. Российское еврейское сообщество живо, оно с новой силой осознало свою национальную, территориальную и даже государственную принадлежность. В условиях, когда пакет мацы можно нести по улице, уже не пряча его под слоем оберточной бумаги, еврейское самосознание может проявлять себя в самых разнообразных формах – и светских, и религиозных. В первом случае, в отсутствие языка идиш, основную функцию в сохранении национальной идентичности принимает на себя историческая память. Она становится одной из нитей, связывающих со своим народом ассимилированных потомков жителей черты оседлости, не устремившихся в горнило эмиграции.

Причудливо складывается жизнь: автор этих строк, в 1970-е годы полуподпольно приходивший с отцом-ветераном в синагогу покупать мацу на праздник, посвятил часть своей жизни

¹ «Пятым пунктом» в советском паспорте и других документах и анкетах называлась строка с указанием национальности владельца документа.

именно сохранению исторической памяти евреев. Как руководитель Музея еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной синагоге Российского еврейского конгресса, я рассказываю посетителям – русским и евреям, россиянам и иностранцам – о том, как складывалась на протяжении столетий судьба народа, нередко называемого «народом Черты».

Александр Семенович Энгельс

историк, педагог. Руководитель Музея еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной синагоге РЕК. Автор образовательного проекта «Диалог религиозных культур» (грант президента РФ). Работал директором лицея, директором еврейской школы.

1. Возникновение черты оседлости

История Российской империи началась 22 октября (2 ноября) 1721 года, когда Петр I принял корону Императора Всероссийского. Ни на тот момент, ни в последующие пятьдесят лет еврейских общин на территории Российского государства практически не было. Исключение составляли некоторые прибалтийские земли, а также Смоленск и его окрестности. Пребывание евреев в России ограничивалось еще со времен Ивана IV Грозного, который отождествлял иудаизм с ересями, исходящими из Европы, и воспринимал его как угрозу русскому православию. Самому Петру, как он отмечал в письме Абраму Веселовскому², было «совершенно безразлично, крещен ли человек или обрезан, чтобы он только знал свое дело и отличался порядочностью», но порвать с укоренившейся к его времени среди «москвитов» традицией ограничений первый российский император не решился.

Наследники Петра не только не облегчили евреям постоянное пребывание в империи, но, напротив, еще более этому препятствовали. Его вдова Екатерина в 1727 году повелела всех евреев из России изгнать. А поскольку указ выполнялся без должного рвения, императрица Елизавета Петровна в 1742 году уже в гораздо более жесткой форме потребовала немедленной высылки из страны лиц иудейского вероисповедания. На замечание Сената, что подобная мера может принести убыток и местной торговле, и государству в целом, она дала свой известный ответ: «От врагов Христовых интересной прибыли иметь не желаю».

Одновременно с ужесточением ограничений, касающихся пребывания евреев в России, на территории ее западного соседа – Речи Посполитой – происходил обратный процесс. С XIV века польские короли начали привлекать в свое государство евреев и немцев для развития городов, и ко второй половине XVIII века плотность еврейского населения в некоторых областях Польши и Литвы – например, в районе Вильно, в Брест-Литовске, а также в ближайших к России Витебске и Могилеве – превышала 30 %.

Нельзя сказать, что после Ивана Грозного евреев в России не было вовсе. Несмотря на существовавшие запреты, польские, литовские и прусские евреи, конечно же, иногда частным порядком проникали на территорию, подвластную самодержавным монархам, но создавать здесь новые постоянные общины они не могли. Таким образом, граница между Россией и польско-литовским государством на протяжении нескольких веков была фактической чертой, на которой переселение европейских евреев на восток прекращалось.

К концу XVIII столетия польско-литовское государство вошло в полосу глубокого политического кризиса, из которого ему уже не суждено было выйти. Разраставшимся конфликтом между шляхетскими партиями и польским королем поспешили воспользоваться давние конкуренты Польши – Пруссия, Австрия и Россия. В сентябре 1772 года, после успешных боевых действий на польской территории, главы трех монархий ратифицировали конвенцию о разделе Речи Посполитой. В результате этого первого раздела к Российской империи отошла, помимо некоторых прибалтийских земель, значительная территория Белоруссии с городами Мстиславль, Могилев, Витебск и Полоцк.

Разделы Речи Посполитой пришлись на период правления в России Екатерины II. Эта талантливая, умная и весьма образованная для своей эпохи императрица живо интересовалась новациями в развитии европейской культуры, в том числе идеями европейских просветителей. Она читала их книги об управлении государством и даже вступала с ними в личную переписку, размышляя, очевидно, о том, как применить идеи просветительства на практике. Приняв от Польши новые владения, Екатерина постаралась убедить местное население в том, что под российской короной его положение не изменится к худшему. 16 августа 1772 года было

² Абрам Веселовский – адъютант Петра I, сопровождал его в Полтавской битве.

издано обращение к жителям Белоруссии, известное как «Плакат»³, в котором заявлялось, что и «еврейские общества... будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они нынче в рассуждении закона и имуществ своих пользуются». Этим документом впервые было официально признано право евреев на проживание в России.

В последовавшие годы Речь Посполитая подверглась еще двум разделам. По их результатам в 1793 году России достались восточное Полесье, Подолия и Волынь с городами Минском, Житомиром и Каменец-Подольским. А в 1795 году Россия присоединила оставшиеся литовские, белорусские и украинские земли.

Однако не только бывшие польские земли составили впоследствии территорию внутри черты оседлости. В 70-е и в начале 80-х годов XVIII века Россия отвоевала у Турции обширные пространства северного Причерноморья и Крым. В южных, степных районах евреи в тот период еще не селились, но, когда в 1794 году на месте гавани Хаджибей был основан город Одесса, притягательность этого региона для еврейских негоциантов, в том числе из Австрии, многократно возросла. И ко второй половине XIX века Одесса превратилась в крупнейший по численности еврейского населения город Российской империи.

Итак, начиная с 1783 года под крыло Российской империи перешли Крым и Таманский полуостров, имевшие давнюю связь с еврейской историей. В Крыму первые еврейские поселения появились не позднее I века н. э., поэтому неудивительно, что уже во времена Древнерусского государства евреи Крыма имели тесные контакты со своими единоверцами в Киеве и в других городах Руси. Ко времени, когда Екатерина Великая дала соизволение евреям селиться на территории империи, в Крыму уже проживали евреи-караимы и евреи-крымчаки.

В XIX веке империя продолжала расширяться на запад: в начале 1812 года фельдмаршал Кутузов вынудил Турцию отказаться от прав на Бессарабию, приобретя для России, кроме прочего, и бессарабских евреев, а в 1815 году, по решению Венского конгресса, очертившего новые европейские границы после Наполеоновских войн, Россия присоединила большую часть бывшего герцогства Варшавского. Эта область, получившая наименование Царство Польское, сохранила значительную самостоятельность, и жизнь местных евреев до 60-х годов XIX века регулировалась особыми законами, издаваемыми местной администрацией.

В Прибалтике положение еврейского населения было особым. Лифляндия стала частью России в год образования империи, и поселение евреев в Риге с тех пор ограничивалось имперским законодательством, однако присутствие их здесь практически никогда не прерывалось. Также еврейские общины существовали и в Курляндии.

В целом можно утверждать, что к началу XIX века география европейской части Российской империи сформировалась. Несмотря на то что в последующие годы империя активно расширялась на юг и восток, включив со временем территории, где проживали грузинские, горские и бухарские евреи, именно европейские ашкеназы⁴ стали фактором, обусловившим появление в России так называемого «еврейского вопроса», одним из атрибутов которого стала черта оседлости.

Императрицу Екатерину II гораздо меньше, чем ее предшественников, беспокоила опасность влияния иудаизма на православие. Так, например, еще до первого раздела Польши она негласно поддержала проект заселения Новороссии еврейскими колонистами из Европы, запретив спрашивать у поселенцев о их вероисповедании, дабы формально не нарушать закон Елизаветы, лишавший евреев возможности селиться на территории империи. После первого же раздела она и вовсе, как уже было сказано, поспешила успокоить еврейское население приобретенных областей, убедив его в неприкосновенности прежних прав в новом государстве.

³ Плакат – форма официального обращения власти к народу империи, предполагала широкое ознакомление населения с содержанием обращения.

⁴ Ашкеназы – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе. Название происходит от семитского наименования средневековой Германии.

Дальнейшие изменения положения евреев оказались связаны с нововведениями Екатерины II, которая пыталась упорядочить социальную структуру российского общества. С этой целью в 1770-е годы она разделила все население империи на сословия и установила обязательную приписку каждого подданного к определенному месту проживания. В соответствии с идеями, почерпнутыми Екатериной у французских просветителей, итогом этой реформы должно было стать привлечение части социальных кругов к управлению на местах, а также развитие торговли и промышленности. Однако в условиях самодержавного правления, от которого Екатерина не была готова отказаться, сословное деление способствовало прежде всего социальному разобщению российского общества и в дальнейшем препятствовало формированию национального и гражданского самосознания.

Впрочем, к евреям эта сторона проблемы еще долгие годы не имела прямого отношения. Определение их правового статуса в рамках сословной реформы излагалось в изданном в 1775 году акте «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» и в некоторых положениях «Жалованной грамоты городам» 1785 года. Согласно этим документам, евреи присоединенных при разделе Польши областей причислялись к городским сословиям купцов и мещан, как наиболее соответствующим их традиционным занятиям. Таким образом, евреи новых белорусских губерний были фактически уравнены в правах с христианами, относившимися к тем же сословиям, и сохраняли при этом свою традиционную общинную автономию – кагалы и раввинские суды. Теперь евреи-мещане могли избирать и избираться в структуры городского самоуправления, а еврейские купцы – беспрепятственно торговать на внутреннем рынке империи.

Христианское население Белоруссии и внутренних губерний далеко не всегда было готово принять столь радикальные не только для российских условий, но и для просвещенной Европы изменения социального статуса евреев. Жители бывших польских городов роптали на то, что теперь их судьба могла зависеть от решений, принятых евреями – членами магистратов. Русские купцы выражали недовольство присутствием евреев, торговавших в Москве и Смоленске.

При этом справедливо будет заметить, что вплоть до середины XIX века проблема еврейского населения находилась, в общем, на периферии интересов самодержавного государства и обращение к ней было чаще всего прецедентным. Именно следствием одного из таких прецедентов, связанного с проявлением недовольства московских купцов, и стало ограничение евреев в праве свободного перемещения по российской территории. Иными словами – возникновение черты оседлости.

В начале 1790 года представители московского купечества и городской голова М.П. Губин⁵ подали прошение на имя московского главнокомандующего П.Д. Еропкина⁶ с просьбой оградить их от конкуренции со стороны белорусских евреев. Характерно, что свою просьбу они аргументировали не религиозными мотивами, а обвинением в нечестности, с которой евреи якобы вели торговлю, из-за чего, по их мнению, вся торговля могла прийти в упадок. Они утверждали, что приписываться к купеческому сословию в Москве евреи не имеют права, а если делают это, то с нарушением закона. Они также обвиняли евреев в торговле контрабандным товаром, нарушении правил торговли и в порче монет. Особое негодование вызывала у московских купцов деятельность некоего Ноты Хаимова, который, набрав в Москве кредитов и товаров, скрылся с ними за границу, приведя тем самым к разорению многих московских кредиторов.

⁵ Губин Михаил Павлович (1740–1818) – городской голова Москвы, отстаивал интересы купечества.

⁶ Еропкин Петр Дмитриевич (1724–1805) – государственный деятель, сенатор, московский главнокомандующий (позднее эта должность стала именоваться «военный губернатор»).

Завершалось прошение просьбой «...изыскав всех ныне находящихся здесь в Москве жидов, не только производимую ими незаконную розничную по домам торговлю пресечь, но чтоб они за запретительными узаконениями здесь и в жительстве более не оставались...». В качестве дополнительного аргумента московские купцы заявляли, что будто бы в порядочных странах евреев не терпят, а значит, и в Москве их быть не должно.

Даже части этих обвинений было достаточно, чтобы власти обратили на них внимание. И действительно, после подачи записки немедленно последовал запрос губернской администрации о численности евреев, проживающих в Москве, и об обстоятельствах включения их в купеческое сословие.

Со стороны еврейских купцов – что вполне естественно – немедленно последовала реакция, выразившаяся в подаче ответной петиции. В ней утверждалось, что евреи не нарушали установленных правил торговли, поскольку у них есть собственный закон, не дающий возможности жульничать и опирающийся на известные всем десять заповедей. А если среди евреев, как среди всех прочих народов, и встречаются бесчестные люди, то они порицаемы еврейским обществом так же, как любым другим. По поводу намека на то, что «в приличных странах» евреев не терпят, был приведен пример Голландии, где участие евреев в экономической жизни, наоборот, лишь способствовало процветанию страны. Кроме этого, еврейские купцы, в свою очередь, осуждали московское купечество за использование в отношении них оскорбительного слова «жиды» вместо «евреи», употреблявшегося государственными чиновниками. Фактически эта ответная петиция была первым в российской истории случаем обвинения в неполицоректности – задолго до того, как само это слово вошло в обиход.

Поставить точку в возникшем споре выпало президенту Коммерц-коллегии графу Воронцову, который, собрав и изучив всю известную полемику по данному вопросу, представил Совету при Высочайшем дворе⁷ свою итоговую записку. В ней он, используя все изданные до той поры указы о евреях, резюмировал, что для допущения их во внутренние губернии прямых оснований не существует. Записка эта, как было принято в те времена, касалась не только законов, но также и содержала общие соображения о полезности рассматриваемых мер и нравственности. Именно эти «высшие соображения», опирающиеся на доводы москвичей и белорусского дворянства о «безнравственности» евреев, давали основания для вывода о вредности их допущения в Россию.

В своем заключении Воронцов хотя и признал верность заявления еврейских купцов о том, что в Голландии их присутствие способствовало процветанию, все же добавил, что «такие евреи, какие известны под названием польских, прусских и немецких жидов, из числа которых состоят все живущие в Белоруссии и выезжающие из Польши и Кенигсберга, совсем другого рода и производят торги свои, так сказать, как цыганы – со лжею и обманом, который и есть единое их упражнение, чтоб простой народ проводить». Из этой цитаты видно, как искреннее стремление высшего чиновника разрешить практическую проблему, будучи отягощенным распространёнными предрассудками, приводило его к далеко идущим и отнюдь не всегда справедливым выводам.

Записка Воронцова стала ключевым документом, послужившим основанием для именного указа, который был подписан Екатериной II 23 декабря 1791 года. Суть его можно обнаружить в выписке из протокола упомянутого выше Совета при Высочайшем дворе: «...по существующим здесь законам... не имеют евреи никакого права записываться в купечество во внутренние российские города и порты; да что и от допущения их к тому не усматривается никакой пользы; что могут они, однако ж, на основании изданных законов пользоваться пра-

⁷ Совет при Высочайшем дворе – совещательный орган в правление Екатерины II, созданный для решения вопросов, возникавших в связи с русско-турецкими войнами.

вом гражданства и мещанства в Белоруссии, и что сие право можно бы еще с пользою распространить и на наместничества Екатеринославское и Таврическое».

Таким образом, в декабре 1791 года из-за конфликта с московскими конкурентами еврейские купцы потеряли право свободного перемещения по территории Российской империи и возможность приписываться к гильдиям во внутренних губерниях, которое они имели с момента первого раздела Польши в 1772 году. Исключение предусматривалось для Екатеринославского наместничества и Таврической области, то есть для тех регионов Новороссии, в которых еврейская колонизация до тех пор поощрялась. Для выезда по коммерческим или судебным надобностям в столичные города евреям необходимо было теперь получать в канцелярии местного губернатора особое разрешение, которое выдавалось, как правило, на срок не более одного года.

Указ 1791 года стал актом, возвращавшим традицию недопущения евреев во внутренние регионы России, существовавшую до присоединения к империи белорусских областей. Традиция эта пересекалась с общей системой правовых запретов на свободное перемещение горожан с места на место, начало которой было положено еще Соборным уложением 1649 года⁸. И даже в эпоху Екатерины II местные власти все еще не привыкли к тому, что какая-то группа горожан (а именно купцы) получила, согласно пунктам Городового положения 1785 года, право свободного перемещения по стране. Вполне естественно, что в отношении еврейских купцов это недоумение, с учетом распространенных предрассудков, должно было проявиться в первую очередь.

Неестественным же было другое: в дальнейшем, когда в европейских странах отношение к евреям стало меняться в сторону постепенного признания их гражданских прав, в России упорно продолжали относиться к ним, как к чуждым «инородцам».

В эпоху Павла I проблема экономической конкуренции евреев с христианами подкрепилась идеей имперских чиновников о необходимости постепенного «нравственного исправления» иудеев для превращения их в «полезных» подданных российского самодержца. Центральной задачей такого «исправления» должна была стать культурная ассимиляция еврейского населения, которая, в перспективе, позволила бы им интегрироваться также и в правовое поле империи.

В совокупности эти две проблемы стали сутью так называемого «еврейского вопроса», решать который власть посчитала удобным в пределах тех областей, где евреи проживали до присоединения к России. Это обстоятельство создавало предпосылку для того, чтобы носивший частный характер закон 1791 года стал краеугольным камнем целой системы, обросшей в течение XIX века многочисленными правилами, положениями и высочайшими указами.

В течение почти 130 лет границы территории, в пределах которой евреям было дозволено жить, неоднократно варьировались. Им периодически запрещалось селиться в некоторых городах – например, в Киеве, Ялте и Николаеве. А в 40-е годы XIX века из черты оседлости была исключена пятидесятиверстная приграничная полоса.

Внутри самой Черты евреи стали объектом разного рода социальных экспериментов, целью которых было их превращение в «полезных» подданных русского монарха, в том числе и через смену веры. Из таких экспериментов можно вспомнить, например, внедрение системы казенного еврейского образования, учреждение добровольного Общества израильских христиан⁹ и введение института кантонистов, когда на военную службу стали забирать мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста.

⁸ Соборное уложение 1649 г. – Судебник, принятый в правление царя Алексея Михайловича, один из самых жестоких сводов законов в истории России.

⁹ Общество израильских христиан – организация, созданная в 1817 г., в правление Александра I, с целью пропаганды христианских догматов среди евреев.

С 60-х годов XIX века восточная граница Черты стала для евреев проницаемой. Некоторые категории еврейского населения, признанные наконец правительством «полезными», получили право проживания во внутренних губерниях, что привело к появлению в крупных российских городах еврейских общин. Однако эта мера коснулась лишь относительно небольшого числа евреев, в то время как более пяти миллионов остальных продолжали к началу XX века жить на бывших польских землях.

Фактическое упразднение черты оседлости произошло в 1915 году, во время Первой мировой войны, когда признанных потенциальными коллаборантами¹⁰ евреев начали отселять из прифронтовой полосы во внутренние губернии страны. В результате этих депортаций еврейское население крупных российских городов во внутренних губерниях в период с 1915 по 1917 годы значительно возросло. Однако формально Черта так и не была отменена российскими монархами – законное право свободного перемещения по стране евреи получили лишь в результате Февральской революции, поставившей финальную точку в истории русского самодержавия. Постановление Временного правительства, о котором пойдет речь в конце этой книги, – «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» – признало евреев, как и всех других жителей страны, не подданными, но гражданами и отменило любые ограничения «в правах водворения, жительства и передвижения». Так, лишь с падением Российской империи ушла в прошлое и сама Черта, и все законы, ограничивавшие права российских евреев на протяжении 126 лет. И это закономерно, поскольку подобные ограничения являлись естественным проявлением внутренней политики государства, неспособного к адекватному восприятию изменений, происходящих в мире. А главное, к признанию факта, что именно гражданские права и свободы постепенно становятся краеугольным камнем в той системе ценностей, которая в дальнейшем будет определять ход человеческой истории.

Илья Владимирович Баркусский
кандидат исторических наук, заведующий кафедрой еврейской истории и этнографии Академии им. Маймонида. Научный сотрудник московского Музея истории евреев России.

¹⁰ Коллаборанты – люди, добровольно идущие на сотрудничество с врагом.

Екатерина II в дорожном костюме. Гравюра начала XX века с портрета XVIII века, предположительно сделанного художником Михаилом Шибановым в 1787 году, во время путешествия императрицы в Крым

Черта еврейской оседлости в России в 1835–1917 годах

Белорусские евреи в конце XVIII века

2. География и демография Черты

Существование в течение почти полутора столетий огромной выделенной территории, на которой была расселена в России еврейская часть ее населения, является уникальным историко-культурным феноменом. Нередко в литературе рядом с описанием Черты встречается термин «теснота». Эпитет вызывает справедливый вопрос: почему огромная территория, где власть разрешила евреям постоянное жительство, могла восприниматься как тесная? Ответ довольно прост: большая часть этой огромной территории (1 224 008 кв. км) также была закрыта для проживания евреев, потому что они относились к городскому (мещанскому) сословию, что не предполагало их поселения в сельской местности. Такая ситуация, как часто случается с законами, противоречила реальному положению дел: евреи ведь веками жили в деревнях и селах. Это противоречие приводило порой к печальным последствиям. Исполнение правительственных указов и инструкций, требовавших начать выселение евреев из сельской местности, сталкивалось с такими трудностями, что иногда приходилось останавливать уже начатое выселение.

Тем не менее даже разрешенная для проживания часть огромной территории Черты была весьма значительной: она вдвое превышала площадь современной Франции – самого большого европейского государства. Сосуществование евреев с другими народами и этноконфессиональными группами, населявшими этот регион, создавало особый колорит, образовывало культурные связи, обогащало и коренных жителей, и «иностранцев» опытом взаимодействия.

Земли, выделенные для постоянного проживания евреев, выглядели как извивавшийся с севера на юг коридор шириной в несколько сотен километров: в самой узкой части около 760, а в самой широкой – около 1000 километров. Коридор этот проходил через самые разные климатические и географические зоны: леса и степи, болотистые низменности и даже горные массивы. На севере он упирался в Балтику, с давних времен открывавшую широкие возможности для торговли; на юге Черту омывали теплые воды Черного моря, а западная ее граница совпадала с государственной границей империи. В силу исторически сложившейся таким образом географии Черты многие прежде единые еврейские сообщества оказались разделены государственными границами, и это приводило к самым разным последствиям: от постоянных попыток правительства выстроить преграду для общения разделенных единоверцев до контрабандной торговли, процветавшей в приграничных районах. Трагически сказывалось на жизни Черты ее пограничное положение в периоды Отечественной войны 1812 года, польских восстаний XIX столетия и в кровавую эпоху Первой мировой и гражданской войн. Восточная граница Черты несколько раз менялась, и только во времена правления Николая I приобрела знакомый нам вид. Практически, за исключением нескольких небольших районов, она совпадала с современной западной границей Российской Федерации.

Формирование этой уникальной, совершенно особенной «страны» началось в 1772 году, когда в результате первого раздела Польши к России отошла восточная Белоруссия с примерно 60-тысячным еврейским населением. Крупные еврейские общины этих земель обитали в Динабурге (позднее Двинске, ныне латвийском Даугавпилсе), Витебске, Полоцке, Шклове, Могилеве, Гомеле. Все они были связаны большим товарооборотом с городами севера Речи Посполитой, нынешней Балтии и России. Евреи уже тогда составляли большую часть регионального купечества, и многие вели свои дела на широкую ногу. Интенсивный и разнообразный товарооборот был возможен еще и потому, что рядом протекали Западная Двина и Днепр – крупные реки, важнейшие торговые артерии Восточной Европы. Грузенные товаром суда направлялись к Балтике, на берегах которой стремительно развивались портовые города. Позднее, в XIX – начале XX века, важной статьёй местной торговли стал, кроме того, лесосплав. Западная Двина практически на всем ее протяжении обросла дровяными складами.

В 1783 году к России был присоединен Крым, где проживало около трёх тысяч представителей особых групп тюркоязычного еврейства – караимов и раббанитов¹¹. Большинство немногочисленных караимских и крымчакских евреев говорили на диалектах крымско-татарского языка и жили в южной, прибрежной части полуострова. Они были совсем непохожи на своих единоверцев из присоединенных десятью годами ранее белорусских городов. Евреи Крыма жили в условиях и традициях окружавшего их мусульманского мира и не имели связей с еврейским населением Европы. Поэтому большинство их, а следом евреи Кавказа и Средней Азии приветствовали российскую экспансию, надеясь на защиту и покровительство европейской страны и ее армии. Это было неудивительно: жизнь в средневековом обществе не шла ни в какое сравнение с теми условиями, в которых уже в тот период существовали евреи в Российской империи.

Позднее, в 1790-е годы, состоялись еще два раздела Речи Посполитой, и Российская империя получила земли с концентрированным проживанием еврейского населения. Это были центральная и западная части Белоруссии (Минск, Бобруйск, Слуцк, Слоним, Туров, Пинск, Мозырь, Гродно, Брест-Литовск и т. д.), Литва с ее многочисленными общинами в Вильно, Ковно, Тельшах, Кейданах и др. На севере к Западному краю присоединилась территория Курляндии (современная Латвия), а на юге – украинские земли с не менее многочисленными общинами.

Присоединение к России земель Подолии, Волыни и Киево-Черниговщины имело разную предысторию. В итоге войн с Польшей левобережье Днепра вошло в состав империи еще в конце XVII века. Местные еврейские общины были уничтожены в годы восстания Богдана Хмельницкого, и с той поры на левом берегу Днепра евреи практически не жили. А вот к западу от Днепра с начала XVIII века еврейская жизнь восстанавливалась. Несмотря на восстания гайдамаков¹² и другие события, сопровождавшиеся погромами, евреи Волыни и Подолии представляли собой многочисленное сообщество с организованным самоуправлением. Среди крупнейших в Подолии можно назвать общины Винницы, Могилева-Подольского, Ямполья, Балты, Каменец-Подольского, Брацлава, а также волыньских городов: Острога, Дубно, Житомира, Ковеля, Кременца, Луцка, Новограда-Волынского, Овруча, Ровно, Шепетовки. На территории Киевщины особенно значимы были в тот период Бердичев, Липовец, Васильков, Звенигородка, Канев, Сквиря, Тараща, Радомысль (ныне Радомышль). Десятки больших и малых местечек, разбросанных по территории этих губерний, дополняли картину еврейского заселения складывавшейся Черты.

После второго (1793) и третьего (1795) разделов Польши Россия стала страной с самым многочисленным в мире еврейским населением. В 1794 году указ Екатерины II перечислял территории, где евреям разрешено было проживать постоянно: Минская, Изяславская (впоследствии Волынская), Брацлавская (Подольская), Полоцкая (Витебская), Могилевская, Киевская, Черниговская, Новгород-Северская губернии, Екатеринославское наместничество и Таврическая область. После третьего раздела Польши из земель, присоединенных к России, были образованы две новые губернии: Виленская и Гродненская, в которых также разрешено было проживать евреям.

Если Литва, Курляндия и западнобелорусские земли были издавна населены евреями, то на юге Украины ситуация складывалась совершенно по-другому. В 1791 году, после заклю-

¹¹ Караимы – представители иудейского сообщества, не признававшие авторитета законов Талмуда и раввинистического иудаизма. Проживали в Причерноморье и Крыму, были освобождены от большинства ограничений, накладываемых на евреев в империи. Раббаниты, или раввинисты – представители наиболее распространенного крыла иудаизма, в основе законодательства которого лежит Талмуд и раввинистические сочинения.

¹² Восстания гайдамаков – выступления вооруженных отрядов на Правобережной Украине в XVIII в., сопровождавшиеся погромами евреев и разгромом замков и помещичьих имений польской шляхты (дворянства). Самые крупные восстания происходили в период 1730–1760-х гг.

чения очередного русско-турецкого договора, в состав России вошли земли к западу от Херсона до реки Днестр. Значительная часть этих территорий, носившая характерное название Дикого поля, оставалась пустынной. Многовековая история набегов крымских татар, сопровождавшихся пленением местных жителей, а также казацкие восстания с погромами, резней иноверцев и разрушением городов сделали южную часть Украины малонаселенной.

Практически сразу после присоединения Крыма и усмирения крымских татар власти империи стали приглашать сюда на поселение новых жителей вне зависимости от их вероисповедания. В числе переселенцев оказалось немало евреев. Последовавшее за этим ускоренное заселение степей Северного Причерноморья подстегивалось указами императоров и активным строительством городов. Всего за несколько десятилетий здешние земли стали житницей всего юго-западного края. На берегах Днепра, Южного Буга и Черного моря росли большие города, привлекавшие к себе разнообразных и разноязыких жителей. Так на юге черты оседлости рождались новые центры еврейской жизни: Одесса, Екатеринослав (позднее Днепропетровск, ныне Днепр), Елисаветград, Симферополь, Николаев, Мариуполь, Бердянск и др. Политика российских императоров по превращению евреев в «полезное» сословие сопровождалась переселением их на пустовавшие земли Дикого поля для создания общин еврейских крестьян-землепашцев. В начале XIX века в степях южной Украины появились еврейские земледельческие колонии с говорящими названиями, такими как, например, Израилевка или Ефингарь (последнее означало в переводе с иврита «красивая река»).

В 1799 году право проживания было распространено на Курляндскую губернию. В 1801–1810 годы российскими подданными стали около 6 тысяч евреев Грузии, в 1806–1828 – около 15 тысяч евреев Дагестана и Северного Азербайджана. «Положение об устройстве евреев», утвержденное Александром I в 1804 году, разрешало евреям-земледельцам жить в Астраханской и Кавказской губерниях. Оно также позволяло еврейским купцам, фабрикантам и ремесленникам вместе с семьями временно пребывать за пределами черты оседлости. Накануне наполеоновского нашествия в 1812 году Россия и Османская империя заключили Бухарестский мир, по условиям которого еще одна территория – Бессарабия – вместе с 20 тысячами жителей-евреев стала частью Российской империи.

Присоединение Бессарабии в основном завершило формирование территории Черты. Последним же приобретением России в этом смысле стали губернии Царства Польского. Российскими подданными стали проживавшие на территории герцогства Варшавского около 300 тысяч польских евреев. Таким образом, мы видим, что до второго десятилетия XIX века Черта в географическом отношении росла. Росло и ее население.

Уже в начале 1820-х годов антиеврейские настроения в правящих кругах России усилились, и черта оседлости стала постепенно сокращаться. В 1821 году евреи, обвиненные в «тяжком порабощении» крестьян и казаков, были изгнаны из сельских местностей Черниговской губернии, а в 1822 году – из деревень Полтавской губернии. В 1823 году в Могилевской и Витебской губерниях евреям было запрещено селиться на казенных землях, началось их перемещение из сел в города и местечки. Согласно докладам губернаторов, в результате выселения евреев из сельских местностей, растянувшегося на восемь лет, «до сорока тысяч душ бродило вдоль дорог целыми семьями, с малолетними детьми». Несмотря на явный экономический вред от такой политики – как для евреев, так и для христианского населения, – в годы царствования Николая I (1825–1855) из состава Черты изымались все новые и новые районы. Эта политика ограничений во многом обуславливалась и личной юдофобией Николая I, и отношением его приближенных к евреям. Даже само понятие «черта оседлости» приобрело отчетливо негативный смысл именно при Николае I.

Черта стала одним из главных инструментов антиеврейской политики российской власти. Она ограничивала контакты еврейского населения с христианами, изолировала инородцев от крестьян, в эксплуатации которых, по мнению властей, они якобы были повинны. Не послед-

ную роль играли и религиозные мотивы. Евреи уже в силу своего вероисповедания считались безнравственными, способными на обман христиан и ритуальные убийства. Правительство и местные власти считали, что евреи не только спаивают христианское население, но и способствуют распространению «ереси жидовствующих». Как результат, в 1825 году последовало распоряжение: «...из уездов, в коих находится секта субботников, или иудейская, и соседственных им уездов выслать всех евреев без исключения, где бы они ни находились, и впредь ни под каким предлогом пребывания там им не дозволять». Все это вело к еще большему сужению территории, разрешенной для проживания евреев.

В 1827 году был издан императорский указ о выселении евреев из сельских местностей Гродненской губернии и из Киева, а в 1830 году – из Киевской губернии. В это же примерно время, в 1829 году, в ответ на прошения христианских купцов и ремесленников, Николай I распорядился, чтобы евреи, не служащие в армии, были выселены из Севастополя и Николаева. В 1837 году, в соответствии с устным распоряжением императора, евреям запретили селиться в Ялте – месте отдыха царствующих особ. В 1843 году последовал запрет проживать в пятидесятиверстной полосе вдоль границ Австрии и Пруссии. Введение этого запрета власти обосновывали необходимостью борьбы с контрабандой, но его реализация затянулась на много лет. Только в 1858 году он был применен, и лишь к тем евреям, которые поселились на приграничной территории после издания закона. Но в это время уже начиналась другая эпоха – время либеральных реформ Александра II.

Основным фактором увеличения численности еврейского населения Российской империи в XIX веке был высокий естественный прирост. В конце XVIII – начале XIX века он составлял около 1,5 % в год, в середине XIX века – около 2,2 %, в конце XIX века – около 1,8 %. Столь высокий процент был результатом строгого следования нормам иудаизма в семейно-брачной сфере, предполагавшим большое количество детей в еврейской патриархальной семье. Немаловажную роль играли и предписания религии в отношении личной гигиены (омовения в ритуальных водоемах и многие другие), соблюдение которых обеспечивало более низкий уровень детской смертности. На рост численности оказывало влияние также и то, что долгое время молодые люди из еврейских семей, достигшие возраста вступления в брак, не рекрутировались в армию.

В конце XVIII века средний возраст вступления в брак у еврейских женщин составлял чуть менее 17 лет, а в возрасте 20–2 лет только 4 % еврейских женщин не состояли в браке. К 45–49 годам этот показатель снижался практически до нуля. Хотя во второй половине XIX века возраст вступления в брак у евреев европейской части России стал повышаться, до конца 1880-х годов он оставался одним из самых низких не только в империи, но и среди еврейских общин других стран Европы. Лишь в последней четверти XIX века, в результате постепенного распада традиционного образа жизни под воздействием секуляризации (утраты религиозности) и урбанизации (переселения в крупные города), возраст вступления еврейских женщин в брак поднялся, превысив 21 год, а процент состоявших в браке снизился. Вплоть до последней четверти XIX века число детей в еврейской семье, как правило, зависело от физических возможностей супругов. В середине XIX века еврейские женщины в среднем рожали до 7–8 раз, а нередко и 10–15. В конце века, из-за более позднего вступления в брак, а также в результате перехода к регулированию рождаемости, многодетность еврейских семей стала снижаться.

К концу XIX века важное влияние на демографию стало оказывать развитие медицины. В связи с внутривосточной миграцией евреев в крупные города многие из них получили возможность обращаться к услугам дипломированных врачей. Появление квалифицированной врачебной помощи позволило сократить детскую смертность. Кроме того, у евреев Черты практически отсутствовала одна из важных причин смертности окружающего населения: в число проблем еврейского местечка не входило пьянство.

Одна из причин внутренней миграции заключалась в том, что в конце XVIII – первой половине XIX века российские власти стремились сконцентрировать евреев в городах и местечках Черты, выселяя их из деревень и поместий. В тот же период евреи покидали города, утратившие бывшее экономическое значение (Шклов, Полоцк, Острог, Дубно, Слуцк, Балту, Заславль и др). Как правило, в первой половине XIX века евреи мигрировали в губернские и уездные города, а также в новые торговые центры юго-западных губерний и Новороссии. Во второй половине XIX века этот процесс продолжился. Более того, тогда же еврейские общины стали расти и в некоторых городах за пределами Черты – прежде всего в Петербурге, Риге и Москве, – а также в Новороссии и Царстве Польском.

Миграция извне также была фактором, влиявшим на численность еврейского населения. Так, в 1770–1780-е годы в Россию переселялись евреи из Польши и Галиции, отошедшей после первого раздела Польши к Австрии. Продолжалась эта миграция и в начале XIX века. По приблизительным оценкам, в 1772–1827 годах в Россию иммигрировали как минимум несколько десятков тысяч евреев, большинство которых расселилось в Новороссии и Бессарабии.

Но уже с середины XIX века наметилась обратная тенденция: евреи стали все более массово уезжать (эмигрировать) из России. Первая волна эмиграции, в 1827–1856 годах, была нелегальной и охватила несколько десятков тысяч человек, переходивших границу в Бессарабии и в Царстве Польском. В 1840–1850-е годы некоторые евреи уезжали из Литвы и Белоруссии в Северную Америку, но лишь в конце 1850-х началась более или менее значительная еврейская эмиграция в США из Царства Польского и соседних с ним районов Ковенской губернии. В целом же до начала 1860-х годов эмиграция евреев из России не носила массового характера, прежде всего из-за их нежелания покидать общины, менять традиционный образ жизни.

Надо сказать, что фактически в империи существовала и другая, параллельная «черта оседлости» – десять губерний Царства Польского. Долгое время евреи, проживавшие в этом регионе, были изолированы от остальной части империи. Евреи Черты не могли переселяться в Царство Польское, и наоборот. Только в 1868 году последовала отмена этого ограничения, вызванная как попытками сгладить последствия польских восстаний за независимость, так и общей либерализацией режима в России.

Эпоха великих реформ (1855–1881) в России была отмечена преобразованиями в самых разных сферах жизни. Однако отметим, что в еврейском вопросе они были менее глубокими, а иногда и вовсе носили чисто косметический характер. Сам факт существования черты оседлости не подвергался пересмотру, равно как и отсутствие у подавляющего большинства евреев империи права жить в разных ее частях. И все же одним из заметных нововведений стало разрешение на право проживания за пределами Черты для некоторых конкретных категорий еврейского населения. В дальнейших главах книги мы увидим, как этим правом могли воспользоваться купцы 1-й гильдии, лица, имеющие научную степень, отставные солдаты и даже некоторые категории евреев-ремесленников.

Так или иначе, основная часть еврейского населения оставалась в пределах Черты, где при высоком естественном приросте населения с каждым годом росла и нищета, а значительная часть евреев не могла найти работу. Поэтому необходимость отмены черты оседлости для улучшения экономического положения как евреев, так и государства в целом была очевидна уже в 1860–1880-е годы, причем даже некоторым правительственным чиновникам. Но в то же самое время, в 1880 году, по просьбе местной администрации евреям, за исключением государственных служащих и лиц, имеющих ученые степени, было запрещено жить в области войска Донского, а также владеть там имуществом.

Вплоть до второй половины XIX века демографическая статистика носила в Российской империи фискальный характер, и евреи оказывали упорное сопротивление любой попытке властей «считать головы», опасаясь, что это приведет к увеличению налогов или норм при-

зыва в армию. Поэтому официальные данные о численности евреев в России вплоть до 1880-х годов сильно занижены. Тем не менее можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в XIX веке еврейское население до определенного момента росло значительно быстрее населения Российской империи в целом. Серьезно этот рост замедлился только в начале XX века, прежде всего из-за массовой эмиграции, когда часть жителей Черты решила перебраться в Германию и Северную Америку. Хотя и ранее, в конце 1860-х, из-за голода и эпидемий в Соединенные Штаты, воспользовавшись установлением надежного трансатлантического паромного сообщения, эмигрировали евреи северо-западных губерний Царства Польского. Тогда же началась и эмиграция евреев из Подолии, заметно усилившаяся после погрома 1871 года в Одессе. В целом же в 1870-е годы из России эмигрировали 15–20 тысяч евреев.

Наступившая после прихода в 1881 году к власти Александра III эпоха реакции сопровождалась резким усилением антисемитских настроений в правительственных кругах. В те годы были приняты законы, еще больше ограничившие территорию проживания евреев. Согласно Временным правилам от 3 мая 1882 года, евреям империи было запрещено вновь селиться в селах и деревнях, причем ограничение распространялось и на тех, кому ранее было разрешено такое проживание (вышедшим в отставку нижним чинам, купцам 1-й гильдии, ремесленникам). Повсеместное жительство в Российской империи было разрешено только евреям, получившим это право по образовательному цензу. Такое нововведение власти объясняли борьбой с эксплуатацией евреями крестьянства.

В конце 1880-х – начале 1890-х годов последовал ряд указов о выселении евреев из различных мест России – из земель, присоединявшихся к территории войска Донского, и из некоторых городов. Министр внутренних дел И.Н. Дурново¹³ планировал выселить 70 тысяч еврейских семей, но его циркуляр после многочисленных ходатайств был смягчен высочайшим повелением. Ситуация все больше запутывалась: с одной стороны, губернаторы получили право ходатайствовать о разрешении оставить еврейские семьи в губернии; с другой – при помощи юридической казуистики местная власть стала вводить не предусмотренные законами ограничения прав евреев. Само существование Черты давало им возможность злоупотреблений при предоставлении евреям права на жительство.

В первые годы царствования Николая II эта политика продолжалась. Евреев выселяли не только из внутренних губерний, но и из сел и деревень черты оседлости. Местные администрации, стремившиеся к изгнанию евреев, причисляли к сельским местностям территории, прежде относившиеся к городам и местечкам. Статус того или иного населенного пункта менялся с местечка на село, и евреи, поселившиеся там после введения Временных правил 1882 года, автоматически подлежали выселению. Эти и другие ограничения прав были причиной разорения еврейского населения России. К 1897 году около половины евреев в черте оседлости были безработными.

В 1897 впервые в истории России была проведена всеобщая перепись населения. Она зарегистрировала в стране 125 640 021 жителя, из которых в городах проживало лишь 13,4 %. По вероисповеданию население империи распределялось следующим образом: православные – 69,3 %, магометане (мусульмане) – 11,1 %, римо-католики – 9,1 % и иудеи – 4,2 %. По родному языку крупнейшие группы, в порядке убывания, выглядели так: великороссы (русские) – 44,3 %, малороссы (украинцы) – 17,8 %, поляки – 6,3 %, белоруссы (белорусы) – 4,3 %, евреи – 4,0 % (5 063 156 человек).

Всего, по данным переписи, в Российской империи проживало около 5,2 миллиона лиц иудейского вероисповедания, из которых почти 3,6 миллиона – в 15 губерниях черты оседлости, 1,3 миллиона – в Царстве Польском и примерно 300 тысяч – в других частях страны. Они

¹³ Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – русский государственный деятель, министр внутренних дел (1889–1895), председатель Комитета министров (1895–1903). Участник Крымской войны, губернатор Екатеринославской губернии.

составляли 4,03 % всего населения европейской России, 10,8 % населения 15 губерний черты оседлости и 14,01 % населения Царства Польского. Вместе с тем евреи составляли около 50 % городского населения Литвы и Белоруссии и около 30 % городского населения Украины. За 100 лет численность еврейского населения выросла с 750–800 тысяч до 5 216 тысяч человек, то есть примерно в 6,7 раза. Таких темпов прироста – 1,9 % в год – не знала ни одна народность в России. Благодаря этому в XIX веке доля евреев в населении страны возросла с 2 до 4,15 %, несмотря даже на то, что его пополнили народы присоединенных к империи Закавказья, Казахстана и Средней Азии.

В конце XVIII века евреи были девятым по численности народом России (после русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, латышей, татар и финнов), а в начале XX века – пятым, опередив финнов, литовцев, латышей и татар. В географическом отношении распределение населения Черты выглядело следующим образом: в губерниях Северо-Западного края проживало около 1,4 миллиона евреев (около 27,2 % всего еврейского населения России), в губерниях Юго-Западного края – 1,2 миллиона (23 %), в Новороссии (ныне юг Украины) – около 730 тысяч (14,1 %), в Царстве Польском – 1,3 миллиона (25 %), в губерниях северо-востока – 226 тысяч (4,4 %). Еврейство черты оседлости составляло более 95 % всего еврейского населения империи.

Евреи медленно ассимилировались: к 1897 году из лиц иудейского вероисповедания только 1,4 % признавали русский язык родным; для почти 98 % родным был идиш. Прилично говорила на русском лишь четверть еврейского населения. Распределение его по роду занятий было следующим: 43,6 % – мелкие ремесленники, 14,4 % – портные и швеи, 6,6 % – плотники, 3,1 % – слесари; остальные занимались торговлей и другими формами обслуживания или не имели определённых занятий.

Тяжелое экономическое положение, политическое бесправие, погромы 1881–1882 и 1903–1906 годов привели к началу массовой эмиграции евреев из России. Они составляли около половины всех российских эмигрантов и более трех четвертей всей еврейской иммиграции в США в эти годы. В 1901–1914 годы эмиграция превышала естественный прирост. Во время Первой мировой войны выезд евреев из России приостановился, но все равно в 1915–1917 годы в США переселились еще 23,4 тыс. российских евреев.

Многие представители еврейской молодежи, доведенные до отчаяния нищетой и бесправием жизни в черте оседлости, в конце XIX – начале XX века приняли участие в революционном движении. За ликвидацию Черты начали бороться и еврейские организации, и представители русского либерального движения. В обстановке резкого обострения политической борьбы в России накануне революции 1905–1907 годов правительство пошло на смягчение – правда, крайне незначительное – антиеврейского законодательства. Так, указ от 10 мая 1903 года разрешил евреям проживать в 101 селении черты оседлости, которые фактически стали местечками. Высочайший Указ от 11 августа 1904 года «О некоторых изменениях в действующих постановлениях о правах жительство евреев в различных местностях Империи» предоставил отдельные льготы некоторым группам еврейского населения. Право повсеместного жительства было предоставлено советникам коммерции и мануфактуры, участникам русско-японской войны и членам их семей. В сельской местности Черты было разрешено проживать купцам 1-й гильдии и некоторым категориям ремесленников. Купцам, жившим в пределах черты оседлости, и их приказчикам было разрешено приезжать во внутренние губернии неограниченное число раз в году, и не только «для покупки товаров», но и «для производства торговли и промыслов».

В годы первой русской революции многие государственные деятели осознали, что для прекращения притока евреев в ряды борцов с политическим режимом необходимо отменить хотя бы некоторые антиеврейские ограничения. Предложения Столыпина, правда, еще отвергались царем, но за уравнивание прав начала выступать либеральная часть Государственной

думы. Под давлением общественного мнения и в силу экономических интересов российские власти все же пошли на некоторое смягчение территориальных проблем Черты, и еще до начала Первой мировой войны около 300 населенных пунктов России были дополнительно включены в число территорий, на которых было разрешено проживание евреев.

Полностью изменило ситуацию начало Первой мировой войны. Западные губернии стали зоной боевых действий и частично были оккупированы противником. Теперь даже ненавидевшая евреев часть общества не настаивала на удержании их вдоль границ – хотя бы из военных соображений. В 1914–1915 годы, по распоряжению антисемитски настроенного командования русской армии, в частности главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и начальника штаба Ставки генерала Н. Янушкевича, из районов боевых действий и прифронтовой полосы было выслано большое количество евреев. Например, из Ковенской губернии выселение было поголовным. В массовом порядке еврейское население высылалось из оккупированной русскими войсками Галиции. Современные демографы считают, что число выселенных из прифронтовых губерний составило около 250–300 тысяч. Кроме того, десятки тысяч евреев сами бежали из районов боевых действий, спасаясь от грабежей и погромов.

Восточные районы черты оседлости не могли вместить такую массу беженцев. Летом 1915 года делегация Еврейского комитета помощи жертвам войны и погромов (ЕКОПО) во главе с Г. Слиозбергом¹⁴ и бароном А. Гинцбургом¹⁵ обратилась к правительству с просьбой об открытии внутренних губерний для евреев. Необходимость этого шага была очевидна, но, опасаясь споров с правыми фракциями в Думе, министры пошли по самому простому пути. Они издали циркуляр, не затрагивавший основ всей системы антиеврейского законодательства. Лишь чрезвычайными условиями мотивировалось разрешение «евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного». Сохранялся запрет на проживание евреев в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, в сельской местности и на курортах, где отдыхала царская семья.

Как видим, из всей системы антиеврейского законодательства, плотно опутывавшего жизнь евреев Российской империи, именно «географическая составляющая» рухнула в первую очередь. И перестала функционировать она не по доброй воле властей, а лишь как результат конкретных чрезвычайных обстоятельств.

Но до обрушения всей системы ущемления национальных прав народов России оставалось уже совсем немного времени, и произошло оно вследствие событий не менее чрезвычайных, и даже более того – фатальных для существования самой власти.

Артур Ионович Клемперт

кандидат филологических наук, руководитель музея «Тхия», сотрудник Еврейского музея, руководитель проекта исследовательских экспедиций для старшеклассников «Связывая разорванную нить». Автор учебных пособий по предмету «История еврейского народа», а также статей по истории евреев в Москве. Работал в различных формах формального и неформального образования, имеет опыт работы в социологических опросах, организации экспедиционной и музейной деятельности, исследовательской работы в архивах и полевой эпиграфики.

¹⁴ Слиозберг Генрих Борисович (1863–1937) – российский юрист и общественный деятель, активный участник борьбы за права евреев Российской империи.

¹⁵ Гинцбург Альфред Горациевич (1865–1936) – барон, директор-распорядитель Ленского золотопромышленного общества, пятый сын еврейского промышленника и мецената Горация Гинцбурга.

3. Законодательство о евреях

После разделов Польши Российская империя превратилась в обладательницу самой большой в мире еврейской общины, и власти вынуждены были решить, как безболезненно «вписать» сотни тысяч бывших польских евреев в непростую систему российского законодательства. Именно в этот период у русской бюрократии сложились основные представления о еврейском народе, мало изменившиеся на протяжении XIX – начала XX века. Факт приобретения территорий с многочисленным еврейским населением в первое время не предвещал правительству никаких трудностей, но уже в конце XIX – начале XX века еврейский вопрос превратился в одну из самых острых и злободневных проблем. Состояние этой проблемы можно проследить на примере развития российского законодательства.

Первые шаги в этой области были предприняты, вероятно, под влиянием выдающегося государственного деятеля второй половины XVIII века Григория Потемкина-Таврического, сподвижника и фаворита Екатерины II. Его с полным основанием считают другом и защитником евреев в тот период, когда Российская империя, расширяя пределы, включила в свой состав новый народ. Но границы расширялись не только на западе, но и на юге. С подачи Потемкина власти озаботились освоением новых земель, где нужны были руки трудолюбивых хлебопашцев. Этой задаче соответствовала инициатива могилевского купца Беньямина Шпеера. Человек богатый и имевший еще до раздела Польши связи с российской администрацией, Шпеер попытался выступить перед властью в роли выразителя еврейских интересов. По прибытии в Полоцк он подал губернатору обширный проект еврейской реформы. Признавая, что евреи Западной Европы и даже евреи, проживающие «под игмом азиатских государей... гораздо лучше, обходительнее и опрятнее своих однозаконцев, стогнувших под покровительством Речи Посполитой», Шпеер выразил надежду, что и евреи «бывшей Польши» вполне способны «исправиться». Он описывал тяжелое положение евреев уже в терминах эпохи Просвещения, отмечая в качестве признаков кризиса еврейского общества противостояние ремесленников и элиты, появление большого количества бездомных нищих, ранние браки, всеобщее невежество и приверженность разного рода суевериям. Для исправления всех этих недостатков Шпеер предлагал защитить своих соплеменников от притеснений как со стороны «обывателей», так и со стороны новой администрации, приобщая евреев к сельскохозяйственному труду.

Возможно, именно Потемкин убедил императрицу даровать гражданские права еврейскому населению. Сначала Екатерина II подтвердила привилегии, которыми обладали евреи в польско-литовском государстве. Сохранились традиционные для общин органы самоуправления – кагалы. Самой важной привилегией стало включение евреев в «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года, которая разрешала городам иметь органы самоуправления. Указом от 7 мая 1786 года за евреями было закреплено право голоса в этих органах; им даже позволено было состоять там на службе. Екатерина II видела в евреях городское сословие, которое могло бы способствовать экономическому развитию городов. Казалось, будущее евреев в Российской империи обещало быть вполне радужным, тем более что указ стал фактически самым первым официальным признанием гражданского равноправия евреев в Европе, где в то время проводили отчетливо антиеврейскую политику прусский король Фридрих II и императрица Священной Римской империи Мария Терезия.

Однако на деле избирательные права евреев не были реализованы во всей полноте. Палки в колеса зачастую ставили местные чиновники и нееврейское население городов. В период с 1772 по 1796 год попытки властей четко установить правовой статус евреев в России ни к чему не привели. Изначально российское законодательство приняло польскую концепцию о евреях как об отдельном разряде населения, отличном от христианского окружения, но эта

позиция долго не просуществовала. Последовали меры по интегрированию евреев в существующие в России сословия, хотя возникали и некоторые препятствия. Еврейские лидеры стремились сохранить как можно больше былой автономии кагала, а местные христиане явно не радовались возможному участию евреев в гражданской жизни городов. К тому же многие евреи не соответствовали требованиям ценза по профессиональному и имущественному состоянию и месту проживания, необходимым для принадлежности к двум городским сословиям России. Поэтому усилия властей «классифицировать» евреев продолжались и при преемниках Екатерины, императорах Павле I и Александре I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.